

Марат Валеев

БЕСТОЛОЧЬ

Приключенческая проза

Марат Валеев

Бестолочь.
Приключенческая проза

«Издательские решения»

Валеев М.

Бестолочь. Приключенческая проза / М. Валеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854808-6

Сборник «Бестолочь» представляет собой приключенческую, порой полную драматизма и в то же время сдобренную юмором остросюжетную прозу. Рассказы Марата Валеева написаны легким, образным слогом, который захватывает читателя с первой же строки и не отпускает его до конца повествования. Итак, вперед, в мир реальных приключений, дорогой читатель!

ISBN 978-5-44-854808-6

© Валеев М.
© Издательские решения

Содержание

Через кладбище	6
Дело Мурзика	12
Шрамы	17
Тварь	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Бестолочь

Приключенческая проза

Марат Валеев

© Марат Валеев, 2019

ISBN 978-5-4485-4808-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Через кладбище

Макухины засиделись в гостях у родственников по поводу возвращения из армии племяша Вовки. Тот отслужил в стройбате, но когда нажрался, то всем говорил, что «тянул ляжку» в какой-то спецроте, и все порывался показать добровольцам убойный приемчик. Но желающих зашибить в первый же вечер вольной жизни хиловатого, но задиристого дембеля, тем более у него дома, не находилось. И Вован вскоре заснул на пышных коленях соседки по столу (и по лестничной площадке) соломенной вдовушки Ираиды Павловны, которая теперь сидела с глупым видом и мечтательно гладила дембеля Вовку из «спецроты» по волосам, умышляя, как бы ей сподручнее утянуть его к себе домой.

Чету Макухиных оставляли заночевать, но они решительно отказались – не было у них такой привычки, спать где-то вне стен своей уютной квартирки на Матросова, 14. И они заспешили на автобусную остановку.

– Да быстрее давай! – раздраженно поторопил Егор свою жену Ларису, задержавшуюся у зеркала в прихожей – прическу там поправить, губы подмазать. Но как Макухины не спешили, на последний автобус не успели. А добираться на свою улицу Матросова им надо было почти через весь их областной городок, хоть и компактный, но продолговатый.

– Может, вернемся? – неуверенно предложила Лариса.

– Ага, щас! – зло рыкнул в ответ Егор. – Видел я, как ты пялилась на этого, как его, Самбуряна!

– Да что ты такое говоришь? – растерянно пролепетала Лариса. – Ну, сидел напротив какой-то мужчина, может, и поглядела на него ненароком. Да что тут такого?

– А ничего! – продолжал ревниво пыхтеть Егор. – Не хрен глазеть на чужих мужиков, когда свой рядом сидит!

– Так что теперь будем делать? – отвлекая мужа от взрывоопасной темы, торопливо спросила Лариса. – Такси вызовем?

– Такси надо было на дому вызывать, – все еще сердито пробурчал Егор, закуривая. – Ну, попробуй на остановку его вызови. Может и приедет.

– Щас, щас, – торопливо зашарилась в сумочке Лариса. – Где же у меня мобильник-то... А, вот! Ну, надо же, да он разрядился. Попробуй. Егорушка, ты вызвать по своему телефону.

– Ха, «по своему!» – уже почти миролюбиво передразнил жену Егор. – Да я и не брал его с собой.

– Приехали! – развела полными руками Лариса. Они стояли на этой плохо освещенной конечной остановке вдвоем. За виднеющейся метрах в полста новенькой девятиэтажкой, в которой они только что гостили, города уже не было. Там начиналась западносибирская лесостепь, поросшая березовыми колками. Справа был какой-то законсервированный еще в 90-е годы секретный, завод, потом пологая балка, к которой подступало городское кладбище. А за погостом вновь светились огни города. Он был выстроен как-то подковой, следуя изгибу реки, на которой стоял вот уже три сотни лет.

На автобусе до их дома надо было ехать километров восемь. А если пересечь кладбище, то всего-то надо было бы пройти с километр.

– Пошли пешком! – решительно сказал Егор, затапывая окурок.

– С ума сошел! – охнула Лариса. – Через весь город. Ну, разве такси по дороге какое подберет.

– Да какое там такси, – нетерпеливо мотнул головой Егор. – Через кладбище пойдем и минут через двадцать будем дома.

– Через кладбище? – с ужасом переспросила Лариса. – Ни за что! Я мертвых боюсь.

– Дурочка! Не мертвых – живых надо бояться! – засмеялся Егор и приобнял жену. – Это сейчас самое спокойное место в городе. Да и я знаю здесь каждую тропинку. Пацанами еще сюда бегали, даже ночевали на спор, геройство свое показывали. Пошли, пошли, доставлю тебя домой в лучшем виде.

И, не слушая слезливых возражений жены, увлек ее за собой, сначала по тротуару, потом, обогнув серую громаду девятиэтажного дома, по извилистой песчаной тропинке, желто светящейся в свете мордатовой луны к частоколу темных крестов, пирамидок со звездочками, причудливых башенок редких склепов. Кладбище это было старое, все заросшее деревьями и кустарниками, высаженными когда-то совсем маленькими саженцами родственниками умерших за оградками могил, и здесь уже несколько лет как никого не хоронили, а отжившие свое находили упокоение на новом погосте, за чертой города.

Егор нашел известный ему с детства лаз в ограждении кладбища, чуть нагнувшись, шагнул туда, в тень кладбищенских зарослей, и подал руку жене.

– Ну, смелей! – прикрикнул он на замешкавшуюся Ларису и грубовато дернул ее на себя. – Иди за мной и ничего не бойся. Скоро будем дома.

И, фальшиво насвистывая для храбрости, бодро зашагал по хорошо утоптанной тропинке между целыми и упавшими оградками, деревянными и железными коваными крестами, угрюмыми каменными памятниками, отбрасывающими причудливые изломанные тени. Лариса, боясь смотреть по сторонам, торопливо семенила за мужем, не выпуская его руку.

Они прошли метров двадцать-тридцать, когда расслышали негромкий гомон хриплых голосов и разглядели мигающий пере ними сквозь листву кустарников желтый огонек костра.

– Что это? – в ужасе замерла на месте Лариса. Вынужден был остановиться и Егор, так как Лариса цепко держала его за руку.

– Да ерунда, – сказал он. – Бомжи, наверное. Летом они здесь, бывает, ночуют. Безобидный народ. Но если ты их боишься, обойдем. Тут есть один хитрый сворот. Пошли.

И Егор сошел с натоптанной тропинки и по жесткой, цепляющейся за ноги траве повел жену в обход старого могильного холмика с разведенным на нем костром под сенью большой сосны, вокруг которого сидели и полулежали не меньше десятка жутковатого вида мужчин и женщин, пили какую-то дрянь из маленьких флаконов и закусывали разведенной кипятком лапшой.

Когда Макухины уже снова выходили на основную тропу, на их пути внезапно выросли трое из тех, что бражничали у костра – они каким-то звериным чутьем уловили их обходной маневр.

Егор резко остановился, и Лариса от неожиданности уткнулась ему в спину, выглянула из-за нее и с тихим стоном «Ах!» обхватила мужа и повисла на нем.

– Ну, и чего вам надо, покойнички? – едко сказал еще не протрезвевший Егор, осторожно освобождаясь от цепких рук жены.

Из преградившей им путь тройцы вперед выступил самый здоровый, с клочковатой бородой и спутанной копной пегих волос на голове. В грязной руке он держал напоказ большой кухонный нож с тускло отсвечивающим и зазубренным лезвием. Двое других бомжей помахивали один обрезком трубы, другой толстой сучковатой палкой.

– Выкладывайте все из карманов и че там у бабы в сумочке, и валите дальше, – ощерив в наглой усмешке неожиданно крепкие зубы, силло сказал здоровяк. – Это наша территория, здесь бесплатно никто не ходит. Особенно ночью.

– Егорушка, отдай им, отдай! – лепетала Лариса из-за спины мужа. Зубы ее от страха начали клцать.

– Ладно, – невозмутимо сказал Егор и опустил руку в боковой карман куртки, отвисший под тяжестью пневматического пистолета.

Купил он его по случаю. Забрел как-то в оружейный магазин и увидел черный, тускло поблескивающий пистолет, лежащий в открытой пластиковой коробке на поролоновой подкладке. Это была пятнадцатизарядная модель А-101 фирмы «Аникс», выглядела как настоящий боевой ствол, имела запасную обойму. Продавался пистолет свободно. «Фигня какая-нибудь» – подумал еще тогда Егор. Но когда расспросил продавца о боевых свойствах, несколько переменял свое мнение.

– Бутылку из-под шампанского разносит вдребезги с десяти метров, – лаконично сказал тот.

– Ого! – присвистнул Егор. – Это если в морду кому выстрелить – мало не покажется?

– Не покажется, – согласился продавец. – Но в лицо лучше не надо, срок можно схлопотать за увечье.

– Беру! – решил Егор и отдал тогда три с чем-то тысячи рублей (сейчас хороший пневматический ствол стоит уже четыре-пять тысяч, а то и более) – как раз нес домой премию. Прикупил еще штук пять баллонов и несколько сотен шариков-пулек. Короче, грохнул всю премию, с учетом обмывки покупки.

Когда пристреливал пистолет, убедился – действительно, бутылки разлетаются в прах. Ну, а больше ни на чем и не пробовал. Не стрелять же в пичужек или собак – этого живодерства Егор себе никогда бы не позволил, хотя те, кто его знали, считали его мужиком крутоватым.

Когда спрятал кейс с опробованным пистолетом в свой письменный стол, то решил – хватит и такого оружия в доме, и отказался от мысли приобрести травматический пистолет. Конечно, тот был посерьезнее пневматического. Но не хотелось тащиться в милицию, собирать какие-то справки, ждать получения лицензии. Да и убить кого можно незвначай из такого оружия, особенно при его нервическом характере. А припугнуть кого и пневматический сгодится.

И Егор изредка таскал пневмат с собой, но только изредка – тяжеловат был все же, зараза. Вот и сегодня, как предвидел эту лажу с бомжами на кладбище, прихватил пистоль на всякий случай.

Нет, но ведь как меняются со временем нравы: никогда на его памяти бомжи не гопстопничали! А тут встали на пути, помахивают всякой херней в руках, как кистенями, ухмыляются, уверенные в своей безнаказанности. И сейчас больше, чем уверены, что попавшийся им на кладбище лох со своей бабой конечно же, испугался и полез в карман за кошельком.

Егор, перед тем как ступить за кладбищенскую ограду, отвернувшись от жены, как бы прикуривая (зачем жену пугать?), поставил пистолет на боевой взвод. Проколотый подкрученным вентилем баллончик со сжатым воздухом негромко пшикнул, заполняя камеру пистолета и извещая о готовности выплевывать стальные шарики калибра 4,5 мм. с начальной скоростью 150 метров в секунду.

Обойма была полна этих самых шариков – Егор проверял перед тем, как отправиться на гулянку по поводу возвращения племяша из армии. Была у него и запасная обойма, которую он положил в нагрудный карман рубашки, чтобы была под рукой. Хотя очень надеялся, что, как и доселе, ему не придется махать перед кем-то стволом с сомнительными (он это, конечно, признавал) боевыми качествами. Да вот зря, выходит, надеялся. Придется показать этим отморозкам пистолет – кулаками отбиться не получится, вон они какие мордатые, хоть и бомжи.

Еще в кармане сняв пистолет с предохранителя, Егор, не спеша, чтобы показать этим отморозкам полную уверенность в своих силах, вытянул его, угрожающе отсвечивающей черной окраской, на свет божий, то есть лунный, и тут же нацелил ствол в лоб тому бомжу, что был вооружен ножом.

– Мужики, – спокойно сказал Егор. – Я никого не трогал. Вы сами напросились. Но если сейчас же исчезнете, я не буду стрелять.

Бомжи, увидев пистолет, явно оторопели. Двое крайних начали переглядываться между собой. Но тот, что был с ножом, похоже, выпил той дряни, которую они хлебали в своей воню-

чей компании на заброшенной безымянной могиле, больше всех, и продолжал медленно двигаться на Егора, все также мерзко улыбаясь.

– Че, из газовика хочешь пукнуть? – хихикнул он. – Ну, пукни, пукни. Но учти, если я, мля, хоть раз чихну от газа, пожалеешь, что...

Он не успел договорить, потому что Егор, которого с ног до головы окатило жаром ярости, поймал в прицел прищуренный глаз бородатого и раз за разом, трижды нажал на курок. Выстрелы прошелкали неожиданно громко, как из мелкашки. Бородатый взвыл и, уронив нож, обеими ладонями закрыл лицо и упал на колени. Сквозь грязные пальцы его просочилась кровь и закапала на утоптанную тропинку.

«Так, срок за увечье я себе, кажется, уже обеспечил, – холодно подумал Егор. – Так что теперь по барабану!».

И он, поведя стволом, также трижды выстрелил в побелевшее лицо второго бомжа, занесшего над его головой железную трубу. Тот отбросил трубу и схватился за лицо – видно было, что пульки пробили ему нос и щеку, потому что места пробоин тут же окрасились кровью.

– Мля, больно же! – прохрипел бомж. – Не стреляй, сука, я все, не стреляй больше...

Он повернулся и, спотыкаясь, пошел прочь.

Третий бомж не струсил. Он прыгнул вперед и успел ударить Егора своей суковатой дубинкой. Но Егор в последний момент дернулся в сторону, и дубинка, оцарапав ухо, смачно впечаталась ему в левое плечо. Однако Егор боли не почувствовал и на ногах устоял. Стрелять было уже некогда, и он, отведя руку с пистолетом назад, со всей силы ударил третьего и последнего своего противника по уху. Пистолет негромко лязгнул, и под ноги Егору выпала обойма. Но нанесенный им удар сделал свое дело: бомжара рухнул навзничь и лежал теперь неподвижно как груда тряпья.

– Аааааааа! – только тут Егор расслышал этот иступленный и непрекращающийся вопль, который, прижав руки к груди и выпучив безумные глаза, издавала широко открытым черным ртом его Лариса.

– Заткнись, дура! – рыкнул на нее Егор, разглядывая пистолет – точно, рукоятка зияла пустотой прямоугольной дырки. Но искать обойму было некогда, а про запасную Егор забыл. И надо было срочно делать ноги, потому что там, сзади, у того самого жуткого костра поднялся негромкий гвалт, послышались маты. Если бомжи вернутся сюда всей толпой – хана, пустым стволом этих человекоподобных будет уже не напугать.

– Побежали отсюда! – спрятав пистолет в карман куртки, схватил Егор жену за руку. – Да туфли, туфлиними и носи их в руке!

И они, пригнувшись, побежали к выходу с кладбища так, как, наверное, никогда еще в жизни не бегали. Топота преследования, к счастью, Егор не слышал.

Пистолет в кармане куртки больно бил Егора по бедру, и у него даже мелькнула мысль выкинуть его. Но, вспомнив, какую только что сослужила ему служба эта «хлопушка», он отмахнулся от этой мысли.

– Пусть будет. Может, еще, когда-нибудь, пригодится...

Егор подумал, что все, обошлось. За ними вроде никто не гнался, и скоро они замедлили бег, а затем и вовсе пошли пешком, изредка оглядываясь.

– Ну, мать, и здорова же ты орать! – отдуваясь, сказал Егор. – Давно не слышал от тебя такого визга.

– Завизжишь тут с тобой, – с укором ответила Лариса, все еще учащенно дыша. – Ты их поубивал, что ли?

Да ну, – махнул рукой Егор. – Ну, может, самому борзому и высадил глаз. А тех просто вырубил. Не хрен было пиратов из себя изображать!

Он на ходу вытащил из кармана сигареты, стал хлопать по карманам, нащупывая зажигалку, мимоходом провел рукой и по нагрудному карману рубашки, залез в него и вытащил...

запасную обойму к пистолету. Сквозь узенькую боковую пройму тускло отсвечивали тесно прижавшиеся друг к дружке совершенно безобидные на вид стальные шарики-пульки – обойма была забита ими до отказа. Но Егор уже знал, на что способны эти дробинки.

– Оба-на! – воскликнул Егор и остановился. – А я про тебя и забыл. А ну-ка полезай на место!

Он вытащил из кармана куртки пистолет, с удовольствием оглядел его и, бормоча вполголоса: «Ну, мы с тобой и молодцы, однако!», с легким щелчком загнал обойму в рукоятку.

– Ой, Егорушка! – внезапно громко прошептала Лариса.

– Ну, че опять? – недовольно спросил Егор. – Кстати, а где у тебя вторая туфля? Потеряла, что ли?

Лариса схватила его за руку:

– Кто-то идет сюда...

Егор прислушался – точно, со стороны города кто-то шел в их сторону по кладбищу, слышались приглушенные мужские голоса, тяжелое шарканье ног. В этот раз Егор не стал искать судьбу.

– За мной! – коротко скомандовал он Ларисе. Они сошли с основной тропы и спрятались за раскидистым кустом акации с уже начавшими усыхать стручками семян, росшим одновременно и внутри могильной оградки, и за ней. Могилка была ухожена: металлическая оградка ровно окрашена, к кованому кресту были прислонены венки с искусственными цветками, в изголовье могилы стоял и стакан – правда, пустой. Водку, скорее всего, выжрали бомжи, регулярно обходящие могилки с целью поживиться тем, что оставляют покойникам изредка навещающие их родственники.

Могилка эта отстояла в десятке метров от тропы, и бредущие сейчас по ней трое странных людей с тяжелой поклажей на плечах, – двое из них несли что-то завернутое в ковер или одеяло, отсюда было не разобрать, а третий тащил на плече пару лопат, – спрятавшихся за кустом акации супругов Макухины не должны были увидеть.

Они не дошли до Макухиных всего ничего – между ними оставались всего две могилы, под одной из которых и лежали Егор с Ларисой, и следующая, совершенно разгороженная.

За этой могилкой, поросшей бурьяном, с покосившейся деревянной пирамидкой, около которой и остановилась странная процессия, уже давно, похоже, никто не ухаживал.

– Бросай здесь! – негромко скомандовал задний, кряжистый такой малый, и первые двое с видимым облегчением свалили то, что они несли, со своих плеч в пожухлую траву, рядом с едва заметным бугорком могилы.

– Перекурим? – спросил у кряжистого мужика, явного лидера этой компании, один из носильщиков.

– Не, времени нет, – отрывисто сказал тот. – Копаем!

И протянув одну лопату желавшему перекурить, второй сам начал подрезать бурьян на могиле. Расчистив будущее место раскопки, он протянул лопату другому из носильщиков, худому парню лет тридцати с унылым лицом:

– Продолжай.

Лариса, с ужасом зажав рот, широко открытыми глазами безотрывно, так же как и Егор, следила из своего укрытия за разворачивающимся на заброшенной могиле действием. Она еще ни о чем не догадывалась, а Егор уже все понял.

– Отвернись, – свистящим шепотом велел он Ларисе. – Тебе это незачем видеть.

И Лариса, пересиливая обычно непобедимое женское любопытство, зажмурила глаза и уткнулась лицом в плечо мужа. Егора вдруг начал бить мелкий озноб – то ли похмелье наступило, то ли страх, наконец, добрался и до него. Не хотелось вперить в реальность всего происходящего – в их, как он всегда думал, тихом заштатном городе, на этом старом кладбище,

по которому в детстве он нередко бегал с пацанами, сегодня он переживал уже второй кошмар, и это всего за каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут.

Егор, конечно, догадался, что эти трое были бандюками, и они приволокли на старое кладбище завернутый в ковер труп, чтобы тайно захоронить его здесь. И такое здесь, возможно, происходило уже не впервые – в их городе, относительно спокойном в криминальном отношении, тем не менее, иногда без вести пропадали люди. Возможно, именно вот так.

Егор подумал и вынул из кармана свой пневмат, так крепко выручивший его сегодня, и положил руку с зажатым в ней пистолетом на землю перед собой. Нападать на этих, копошащихся в разрытой могиле жутких людей, он не собирался – это было бы безумием, они бы просто забили лопатами и его, и жену. Ствол Егор достал скорее для собственного успокоения – хоть и полунастоящий, тем не менее, он придавал ему уверенности.

Между тем могила была разрыта уже достаточно глубоко.

– Копайте, копайте, а я пойду отолью, – сказал тот, что покоренастее. Он направился прямо к тому кусту акации, за которым лежали Макухины, в самом деле расстегнул ширинку и помочился едва ли не на голову Егору. А потом, также стоя спиной к работающим вот уже полчаса без перекура товарищам, или кем они там ему приходились, плавным движением достал откуда-то из-под мышки небольшой черный пистолет, затем круглый продолговатый предмет из нагрудного кармана ветровки («Глушитель!» – догадался Егор) и осторожно наверху его на ствол.

Егор нервно сглотнул, и с ужасом почувствовал, что клейкий сгусток слюны попал ему в дыхательное горло. Он зажал рот ладонью, выпучил глаза, из которых потекли слезы. Но так и не смог справиться с приступом удушливого кашля. «Кхе, кхе!» – вырвалось у него из-под ладони, а лежащий на спусковом крючке палец судорожно дернулся. «Аникс» тут же сухо выщелкнул из ствола стальной шарик, который чувствительно ударил коренастого в коленную чашку.

– Уй, падла! – негромко и удивленно вскрикнул коренастый и без раздумий пять раз подряд выстрелил в подозрительный куст.

– Мужики, валим! Засада-а!!! – истошно крикнул он своим поделщикам, забыв, что только что, видимо, хотел их завалить. И они, побросав лопаты и оставив валяться на краю раскопанной могилы принесенный с собой труп, помчались к выходу с кладбища, с треском ломая попадающиеся им на пути кусты.

А под акацией остались лежать в луже черной крови неподвижный Егор с пробитой головой, и беззвучно кусающая руку, чтобы не закричать от страха и боли, жена его Лариса, которой одна из пуль попала в плечо...

Дело Мурзика

– Ну, Вадим Николаевич, рассказывайте, как дошли до жизни такой.

Лейтенант Захаринский был молод и, по всему, неопытен, но изо всех сил старался показать себя выдавшим виды и много чего понимающим следователем, и потому сидел на стуле напротив больничной койки, на которой лежал Вадим, откинувшись на спинку и широко расставив ноги. Белый халат был небрежно накинут на его плечи и, казалось, вот-вот спадет на пол.

– Кстати, забыл спросить. Как вы себя чувствуете? Болит? А может, вам дать что-нибудь попить?

Следователь потянулся к тумбочке, на которой стоял тетрапак с каким-то соком. И халат с легким шорохом все же соскользнул с его плеч на клетчатый линолеум.

Вадим Карпенко рассеянно покачал головой.

– Тогда так рассказывайте, как все произошло, – сказал Захаринский, подбирая халат и неловко накидывая его себе снова на плечи. – И учтите, не в ваших интересах пытаться что-то скрыть...

Вадим вздохнул: да что там скрывать. Все и так предельно ясно.

В тот день Вадима срочно отправили в командировку. Ехать надо было совсем недалеко от родного города – за триста километров, в поселок Щебаркуль, где местный комитет по спорту вел подготовку к проведению областной спартакиады, до которой осталась ровно неделя. Туда вообще-то должен был поехать главный специалист Сигнатуров Максим, но у него жена вдруг срочно вздумала рожать, так что вместо него и пришлось отправить старшего методиста Вадима Карпенко.

Вадим позвонил жене, в двух словах объяснил ей, что вернется домой через пару-тройку дней, а сам заскочил домой, чтобы быстренько собрать сумку и тут же мотануться на автовокзал. Оставив шофера дежурной машины администрации Митрохина скучать за рулем, он быстренько поднялся на свой второй этаж, отпер дверь. Под ноги ему тут же шариком выкатился их всеобщий любимец, совсем еще маленький черно-белый котенок Мурзик.

Этого забавного кошачьего детеныша дочери Вадима и Марины Карпенко Оленьке преподнесли в подарок на день рождения их друзья Мещеряковы, и никакого иного, может быть, более оригинального, имени для него на общем семейном совете Карпенки придумать не сумели. Впрочем, котенок был еще очень глуп и на свое имя пока не отзывался. Но это не мешало четырехлетней Оленьке, которая сейчас была в садике, обожать своего пушистого приятеля.

– Куда ты, Мурзик! – проворчал Вадим, ногой легонько подталкивая попискивающего котенка к входу в гостиную. – В дом иди, в дом! Пойдем, посмотрим, что там тебе мама оставила в кормушке. Молочко у тебя там есть?

В это время зазвонил домашний телефон. Он стоял на журнальном столике у дивана. Вадим прошел к аппарату, снял трубку:

– Слушаю!

Звонил его приятель, заместитель начальника департамента Артем Ивановский. Вадим думал – что-нибудь важное. А Ивановский всего лишь попросил забрать у главы щербакульской администрации небольшую баночку, с ним он уже договорился.

– А что там такое? – поинтересовался Вадим. – Уж не наркота ли?

– Ну, у тебя и шуточки, – обиделся Ивановский. – Жир это барсучий. Любимую тещу буду лечить...

От чего будет лечить свою любимую тещу таким специфическим лекарством его приятель, Вадим выяснять не стал. Но не забыл вырвать у него обещание проставиться парой-другой «Балтики» за услугу. Вадим, как спортсмен в недалеком прошлом – чиновником он стал

волей случая всего три года назад по протекции ушедшего на пенсию своего дяди, замглавы администрации, – вообще-то не пил, но пивком иногда, да в хорошей компании, побаловаться любил.

Положив трубку, он вытащил из шкафа свою дорожную сумку, затолкал в нее зубную щетку пасту, эспандер, недочитанный томик Славы СЭ, пару бутербродов с колбасой и сыром и пошел к выходу. Уже накидывая куртку, он понял, что его беспокоит: он не слышал и не видел Мурзика, обычно всегда с писком путающегося под ногами.

– Мурзик, Мурзик! Кис-кис, котик! – позвал Вадим, одновременно заглядывая за кресла, под стол, потом вообще лег на пол и заглянул под диван. Котенка нигде не было.

– Этого еще не хватало! – раздраженно пробормотал Вадим, поднимаясь с пола. – Куда ж ты задевался, засранец?

Он вышел в прихожую и обнаружил, что забыл захлопнуть за собой дверь, когда заторопился к телефону. Мурзик вполне мог выбраться в оставленную щель на площадку. Вадим вышел за дверь. Котенка не было видно и здесь. Может, он спустился вниз? Или вскарабкался на верхнюю площадку?

Вадим прошелся до первого этажа, потом вернулся и стал подниматься на третий. И здесь, на переходной площадке увидел то, от чего его крепкое сердце спортсмена ухнуло куда-то вниз, замерло, а потом заколотилось с бешеной силой.

Мурзик лежал безвольной черно-белой тряпицей под стеной и не подавал признаков жизни. Около него образовалась небольшая лужица алой крови, и рубчатые следы этой крови отчетливо впечатались в темно-серый глянец бетона лестничных ступеней, ведущих на третий этаж.

Вадим мгновенно понял, что здесь произошло. Глупый Мурзик выбрался благодаря неплотно прикрытой двери из квартиры. В это время мимо проходила какая-то сволочь и просто наступила на разгуливающего по площадке котенка правой... да, правой ногой в тяжелом ботинке, раздавила его и пошла дальше, вверх, оставив следы на лестнице.

Но кому мог помешать безвинный котенок? Кто этот зверь, походя отнявший жизнь у совершенно безобидного существа? И что Вадим с Мариной скажут своей дочери, которая обнаружит пропажу Мурзика?

Вадим, все еще придерживая рукой левую сторону груди, в которой гулко и часто бухало его возмущившееся сердце, осторожно прошел вверх рядом с елочкой кровавых следов. Они оборвались перед дверью двадцать второй квартиры. Она была точно над его квартирой, и в ней, Вадим знал, живет беспокойное семейство Буртасовых, переехавших к ним в дом пару лет назад.

Глава семейства Егор работал таксистом, жена его медсестрила в городской больнице. Они растили двоих детей, запуганных таких мальчика и девочку. Этот Егор был самое настоящее хамло. По выходным напивался, обязательно колотил жену, все это с шумом, грохотом, истошными криками самих родителей и испуганными воплями детей.

Обычно к ночи они мирились, и скрепляли акт примирения бурным сношением где-то далеко за полночь, с непременно постукиванием спинки кровати о стену. Это скотство доставало всех соседей Буртасовых, но потолковать с ним по-мужски пока еще никто не решался. Поговаривали, что у Егора мутное прошлое, и он всегда носит нож в кармане.

Вадим однажды, когда Буртасовы поначалу еще вели себя более-менее сносно и соседи не отгородились от них безмолвной стеной осуждения и презрения, попросил Егора подбросить его до работы. Он опаздывал на совещание, а Егор как раз садился в свой таксомотор, потрепанную такую серебристую тойоту – он иногда приезжал домой перекусить.

И вот когда они уже почти выехали со двора, откуда-то им наперерез выскочила черная кошка. Егор, вместо того, чтобы притормозить, как это обычно делает любой нормальный водитель, напротив, газанул и погнался за кошкой, цедя сквозь зубы ругательства. Погоня,

конечно же, длилась недолго – кошка перепрыгнула через металлическое ограждение и потерялась в зарослях газона, а Буртасов чуть не врезался в припаркованную машину.

– Ты что, парень, сдурел? – закричал на таксиста, придя в себя, Вадим. – Какого хрена ты погнался за кошкой?

– Ненавижу этих хвостатых тварей! – признался, прикуривая от зажигалки трясущейся рукой сигарету Егор. – Особенно черных. Как увижу, прямо убить готов.

– Ну, ты и Шариков! – покачал тогда головой Вадим. – Тебе к психиатру сходить надо.

– Да пошел ты! – оскорбленно бросил в спину вылезавшему из его машины Вадиму Егор. Вадим тогда отказался ехать дальше с этим придурком, а поймал другую тачку. С тех пор они делали вид, что не знают друг друга, и даже не здоровались при редких встречах.

А сейчас у Вадима не было и капли сомнения в том, что так рано оборвавшаяся жизнь Мурзика – дело рук, вернее ноги Егора.

На всякий случай Вадим спустился на межэтажную площадку, где продолжало остывать тельце бедного Мурзика, и посмотрел через подъездное окно вниз – точно, знакомая серебристая тойота с желтым таксистским колпаком на крыше была припаркована вплотную к детской площадке.

Это он, Егор! Приехал пожрать и, увидев на площадке Мурзика, просто так, из-за того, что не любил кошек, взял и растоптал его. Вадим представил, как будет захлебываться от слез его дочь, когда узнает, что котенок пропал (настоящую правду он ей, конечно, никогда не скажет), как расстроится Марина.

«Ну, козел, погоди!» – выдохнул Вадим и, осторожно взяв в руки изломанного, растоптанного котенка, снова поднялся к двери Буртасовых. Лишь бы он был дома один. Да, впрочем, так и должно быть: время было около двенадцати, дети этого уroda были одна в садике, другой в школе, жена на работе, а сам он, как обычно, заехал домой перекусить.

Вадим глубоко вдохнул и нажал кнопку звонка. Удивительно, но дверь почти тут же распахнулась. Егор предстал перед Вадимом, держа в руке один из своих тяжелых ботинок с рифленой подошвой. Вот почему он так быстро открыл дверь: находился рядом, в ванной, где смыл кровь Мурзика с подошвы. Она была мокрой и с нее на коврик прихожей капала мутная вода.

– Твоя работа?

Вадим поднес к изменившемуся лицу Егора трупик котенка с безвольно болтающейся головой.

Но замешательство Буртасова длилось недолго, он тут же взял себя в руки, а лицо его приобрело обычное для него презрительно-наглое выражение.

– Да пошел ты! – рявкнул Егор, резко ударя зажатым в своей руке ботинком по котенку. Мурзик вылетел из руки Вадима и, мягко ударившись о стенку, упал на пол. – Чего ты мне припер эта дохлятину сюда? Следить надо за своими кошками, а то шляются под ногами! Пошел, говорю, отсюда, на хрен!

И грубо толкнул тем же ботинком Вадима в грудь.

– То есть, он вас первым ударил? – прервав рассказ Вадима, задал уточняющий вопрос следователь, все это время молча делающий торопливые пометки у себя в блокноте. – Это очень важно. И еще: кто-нибудь видел, как потерпевший вас ударил?

– Да, он первым меня толкнул, – садясь на кровати и держась рукой за побаливающий бок, затаенный бинтами, хмуро подтвердил Вадим. – Но этого никто не видел. Мы же там были только вдвоем.

– Это уже хуже, – вздохнул лейтенант и почесал шариковой ручкой переносицу своего мальчишеского курносого носа с конопушками, сбегаящими на розовые щеки. – Ну, хорошо. Он вас толкнул первым. Дальше что было?

А дальше разозлившийся Вадим провел одновременно по корпусу и по голове Егора серию мощнейших ударов. И бил так, как, наверное, никогда и никого в своей жизни не бил. Хотя как боксер Вадим провел на ринге десятки боев, он не помнил, чтобы от его ударов кто-то взлетал на воздух. А здесь именно так и произошло: от завершающего апперкота в челюсть, в который Вадим вложил всю свою ненависть к этому недочеловеку, ноги Егора оторвались от пола и он, лязгнув зубами, улетел спиной вперед в раскрытую дверь гостиной и грузно обрушился там на ковер. И остался лежать неподвижным.

Тяжело отдуваясь, Вадим хотел было уже уйти из этой проклятой квартиры, но вспомнил про Мурзика. Погибшего котенка тут оставлять, конечно, было нельзя: эта сволочь, когда очухается, просто выкинет его на помойку. Сам Вадим похоронить его по-человечески просто уже не успеет, до автобуса в Щербакуль оставалось всего с полчаса, поэтому он решил попросить упокоить котенка ожидающего его на улице шофера. Митрохин мужик душевный, все поймет и сделает как надо.

Вадим подобрал Мурзика, мельком, через плечо, посмотрел на валяющегося на полу Бургасова – тот должен был уже прийти в себя. Но Егор продолжал лежать в той же позе – на спине, широко разбросав руки и ноги, Это не понравилось Вадиму.

«Как бы этот козел ненароком лапты не склеил» – с некоторой тревогой подумал он. И, подойдя к Бургасову, носком туфли потыкал его ногу:

– Ну ты, слабак, кончай придуриваться, вставай давай!

Бургасов никак не реагировал. Вадим перепугался не на шутку. Он опустился на колени, приложил ухо к груди Егора. И тут же услышал не только его учащенное сердцебиение, но и какой-то странный металлический щелчок, и затем почувствовал резкую боль у себя в левом боку.

Ничего не понимая, Вадим резко отпрянул от Егора, вскочил на ноги. И вовремя, потому что Егор приподнялся с пола и снова взмахнул рукой с зажатым в ней ножом с выкидным лезвием, щелчок которого и услышал перед первым ударом Вадим. В этот раз лезвие лишь пропоролу ему куртку. Да, не зря все же про этого ублюдка говорили, что он всегда ходит с «пером».

– Убью, сука! – прошипел Бургасов, в третий раз, и все так же сидя на полу, замахиваясь ножом. Вадим сильно пнул по его руке, и нож с лязгом улетел под стоящий рядом стол. Егор резко повернулся и потянулся за своим оружием. Вадим не стал дожидаться, пока он доберется до ножа, и прыгнул ему на спину. Он обхватил голову хрипящего от ярости противника и резко вывернул ее набок, и тело Бургасова обмякло под руками Вадима.

– Вот так-то, – прошептал Вадим, вставая на ноги. Внезапно перед глазами у него все поплыло и он, теряя сознание, свалился на пол рядом со своим врагом. А неподалеку от них лежало тельце котенка Мурзика, ставшего невольным виновником этой драмы...

– Ну, а дальше вы все знаете.

Вадим потянулся за соком, лейтенант, снова теряя халат, опередил его и протянул пакет. Вадим отвинтил крышку и отпил несколько глотков прямо из горлышка.

– Нас нашла прибежавшая на шум соседка Бургасовых. Она-то и вызвала милицию и скорую. Что теперь будет, това... гражданин следователь?

– Ну, что уж так-то сразу: «гражданин следователь!» – почти смущенно пробормотал Захаринский, захлопывая свой блокнот. Он явно проникся сочувствием к своему подследственному по только что открытому уголовному делу, которое лейтенант для себя окрестил «Дело Мурзика». – Идет следствие, оно все и расставит на свои места. Лично от себя могу сказать, что тут все, конечно, неоднозначно. Есть и несанкционированное проникновение в чужое жилище, но есть и веский мотив для этого – убийство вашего бедного котенка, покушение на вашу жизнь. Но есть и превышение пределов самообороны. Аффект опять же, я так думаю, имел место быть с вашей стороны. Ваше счастье, что шея у этого Бургасова оказалась бычьей

и он остался жить. Правда, я бы никому такой жизни не пожелал: лежит бревном, ни рукой, ни ногой шевельнуть не может и только мычит. Видите, как много я вам выдал служебной информации, хотя и не должен был этого делать. Ладно, Вадим Николаевич, выздоравливайте. Мы еще продолжим наше общение. До свидания!

Он пожал руку Вадиму и направился к двери.

– Скажите, товарищ лейтенант, а вы встречались с женой Буртасова? – задал ему уже в спину вопрос Вадим. – Как она?

Следователь остановился, обернулся. И развел руками:

– Ну, что жена? Плачет, конечно. Но вас не прокликает, если именно это вас интересует. Говорит, рано или поздно что-то подобное должно было произойти. Уж очень жестокий человек, этот ее муж. Вот так вот. Ну, я пошел.

И он осторожно прикрыл за собой дверь больничной палаты...

Шрамы

– А это что у вас за шрамы? Что за операция была?

Идет утренний обход, и заведующий хирургическим отделением внимательно рассматривает оголенный солидный живот крупного мужика, лежащего вторым от окна. На табличке, прикрепленной к спинке его кровати, мужик значится как Владимир Петрович К. (пусть будет для краткости ВПК).

А на первой от окна койке, то есть рядом с ним, табличка обозначает присутствие на ней другого Владимир Петровича, только Ж. (ну, этот у нас будет, соответственно, ВПЖ). Но табличка есть, а ВПЖ нет.

А, вот он и идет, вернее, ковыляет мелким гусиным шагом, слегка откинувшись назад, иначе пузырь живота заставит клюнуть его носом в пол. ВПЖ уже 66 лет, у него атеросклерозом поражены артерии и более мелкие сосуды конечностей, потому ему очень трудно передвигаться. Дальше будет еще хуже, хотя он и регулярно капается в больнице два раза в год. Потому что ВПЖ не хочется отказываться от курения, а это никотин спазмирует, схлопывает сосуды, и кровь плохо поступает к тканям. Здесь недалеко и до гангрены.

ВПЖ, сдерживая дыхание, чтобы врач не уловил запаха табака, пробирается к своей кровати и с пыхтеньем усаживается на нее.

– Так что это за шрамы? – повторяет свой вопрос врач.

– Ножевые ранения были. Пять штук, – нехотя говорит ВПК.

– Ясно, – резюмирует врач. Узнав происхождение этих шрамов, теряет к ним всякий интерес. А вот я бы послушал, за что это моего сопалатника так издырявили.

Пощупав живот и вытирая руки протянутым ему медсестрой влажным полотенцем, врач говорит:

– Ну, вот и мы вам добавим шрамчик. Готовьтесь, завтра прооперируем.

ВПК угодил в нашу шестую палату (не ждите никаких аналогий с персонажами знаменитого чеховского рассказа – просто наша палата действительно шестая) с грыжей. Говорит, купили новую квартиру на Солнечном, перетаскивал мебель, тут она и вылезла.

Она и раньше была, но ВПК как-то управлялся с ней, укрощал грыжу бандажом, сам вправлял ее обратно, когда слишком выпячивалась. И продолжал бригадирствовать в своей строительной бригаде. Ему под шестьдесят, он ростом куда выше среднего и весит, по собственному признанию, 115 килограммов.

Врач между тем, повернулся теперь уже к ВПЖ.

– А вы что, Владимир Петрович, так и продолжаете курить? – укоризненно говорит он, пожимая руку ВПЖ (что означает – они хорошо знакомы).

– Да уже меньше, – конфузливо отвечает ВПЖ и отводит глаза.

Врач разочарованно машет рукой и делает пару шагов к соседней кровати.

Всего в палате их восемь – я впервые лежу в больнице при таком скоплении народа в одном помещении. До этого как-то лежал в краевой клинической, в глазном центре, так там везде в палатах было максимум по пять человек. А здесь – целая толпа!

Лечебница эта старая, ей больше сотни лет, и уже не первый год идут разговоры о ее сносе и строительстве новой, но пока, похоже, не получается. И буквально сыплющаяся больница (ее перестали ремонтировать) продолжает исправно лечить больных.

– Это хорошая больница, – неожиданно заявил ВПК после обхода. – Тут к больным как к людям относятся. А вот я после того, как меня подрезали, в тыщекоечной полежал, так там полный отпад!

Я ловлю Владимира Петровича на слове и прошу его рассказать, за что и где его подрезали. ВПК, заметив, что на него с выжидающим любопытством смотрю не только я, а, считай,

вся палата, прокашлялся и совершенно будничным голосом рассказал свою историю, от которой у меня буквально волосы зашевелились на голове.

2

Дело происходило в конце 80-х, в Красноярске. ВПК, тогда еще совсем молодой парень Володя, со своим братом и еще тремя парнями после рабочего дня выпивали на берегу Енисея. На пятерых у них было такое же количество бутылок водки да пара плавленых сырков. Ну и еще сигареты.

Любовались на открывающиеся на той стороне могучей реки виды, травили анекдоты, говорили за жизнь – все как полагается в таких мужских компаниях, и быстро пьянели от выпитого. И вдруг послышался топот многих ног, ругань, и из-за ближайших деревьев к месту уединения друзей вывалила шумно дышащая, разгоряченная компания незнакомых парней. Их было человек пятнадцать-двадцать.

– А, вот они, суки! – прорычал самый здоровый из них и рыжий. Он сжимал в руке штaketину. Какими-то палками, обрезками труб и арматуринами размахивали и остальные члены этой непонятно для чего и по какой причине собравшейся банды – не банды, но очень воинственно настроенной группы.

– Мочите их, пацаны!

И «пацаны» с ревом накинулись на не успевших даже встать на ноги друзей.

Володя, получив здоровенный пинок в грудь, едва не укатился под высоченный обрыв, но успел сгруппироваться и вскочить на ноги. И повторно налетевшего на него рыжего здоровяка он встретил мощным апперкотом в челюсть – как учили в боксерском кружке, куда он как-то ходил целый год.

Рыжий даже лязгнул зубами и с откинутой головой попятился назад. Но добить его Вовка не успел – его ударили чем-то твердым сзади по затылку, и он «поплыл», а пришедший в себя здоровяк снова накинулся на него.

В руке у него в этот раз блеснул нож, и он несколько раз подряд, прямыми тычками ударил им своего обидчика в живот, а напоследок, зло ощерив редкие желтые зубы, с хеканьем полоснул лезвием поперек брюшины. Володя со стоном упал на колени...

Буквально втоптали в пожухлую осеннюю траву и его недавних приятелей-собутельников, так некстати оказавшихся на пути разозленной оравы. Позже выяснилось, что неподалеку от этого места гуляли свадьбу. А две подружки решили уйти с нее на дискотеку. Но для начала им зачем-то понадобилось сбежать домой.

Они жили в частном секторе, и чтобы спрямить путь, пошли берегом Енисея. Девчонок на безлюдной тропинке перехватили двое каких-то пьяных отморозков, избили, сняли с них золотые серьги, отобрали и вывернули сумочки, порвали на них одежду.

Подружки еле вырвались и убежали обратно, на свадьбу. Вот оттуда-то и снарядилась карательная экспедиция и стала прочесывать берег Енисея – излюбленное место для любовных свиданий и пьянок местной молодежи. Искали по запомнившимся ограбленным девчонкам приметам своих обидчиков – на одном из отморозков была синяя рубашка, на другом зеленая.

Как назло, ни сном, ни духом не ведавшие о том, что произошло недалеко от того места, где они так хорошо сидели, Владимир и его брат Николай, были одеты в рубашки именно такого цвета – синюю и зеленую. За что и огребли по полной от жаждавшей мести толпы.

– Пацаны, кто первым очухался, говорили потом: я сидел на траве, подбирая с нее и заталкивал себе обратно в живот вывалившиеся кишки, – покашливая время от времени, продолжал свой жуткий рассказ ВПК. – Досталось и остальным: у кого-то была пробита голова, у кого рука сломана. У брательника моего полопались ребра и что-то внутри отбили. Но больше всех, конечно, досталось мне – тот здоровяк, которому я так хорошо врезал, не иначе убить меня хотел, да вот свезло мне, не до конца убил. Кто-то сбежал в поселок, вызвали милицию и ско-

рую. И пока они ехали, я все время был в сознании, но в таком мутно все вокруг было. И почти не больно, от шока, наверное.

3

Вот тогда-то меня с братом и отвезли в тыщечекоечную больницу и сразу положили на операционный стол. Я вообще-то должен был умереть после такого ранения. Но хирург сказал, что мне невероятно повезло: во-первых, в желудке у меня было пусто, не считая водки, во-вторых, кишки вывалились не в грязь, а в сухую траву, так что инфекции не случилось.

Но когда требуху укладывали обратно в живот, прямую кишку мне вывели в бок и прицепили снаружи этот, как его, калоприемник. Врачи сказали, что пока кишечник внутри не уляжется, как надо, мне придется походить вот так.

А какой там походить, я пошевелиться-то не мог. И вот тогда я увидел, как в этой тыщечекоешной к больным относятся – как к скотам. Раны у меня плохо заживали, и меня спихнули в гнойное отделение.

У себя в палате я лежал один. Этот гребаный калоприемник время от времени надо было освобождать – говно в него плывет само по себе, хочу я срать или не хочу. Из дренажных трубок гной прет. Вонь в палате стоит – хоть нос зажимай. Вдобавок у меня еще пролежни на спине пошли— я тогда хоть и поменьше весил, чем сегодня, но центнер во мне был все равно, и никому такую колоду ворочать не хотелось.

Так что ни медсестры, ни нянечки было не дозваться, когда они нужны были. Хорошо, братишка мой быстро оклемался – он ведь тоже в хирургии лежал, вот он-то и помогал мне здорово во всем, что должен был персонал делать...

ВПК замолчал, уставившись в потолок и легонько поглаживая утянутую бандажом паховую грыжу.

– А дальше-то че было? – первым не выдержал его сосед, другой Владимир Петрович.

– Да, давай уж выкладывай свою историю до конца, – поддержал его мой сосед, ждущий операции на желчном пузыре.

– Ну, выписали меня только через пару месяцев, инвалидность временную дали, – грузно усевшись на кровати, продолжил Петрович. – А тут и суд подоспел над этими, что нас долбили в тот день, а меня чуть не убили – нашли их как-то удивительно быстро.

Судили-то, конечно, не всех, но человек восемь из них в клетке оказалось. Этому, рыжему, что меня порезал, дали шесть лет, остальным кому три, кому два, а кому вообще условно. Рыжий – я запомнил, Тимченко его фамилия, у меня прощения просил на суде за то, что они попутали нас с теми бандюками, что на их девок напали, и за то, что он так сильно порезал меня...

– И что, простил ты его? – спросил ВПЖ.

– А, рукой махнул, дескать, хрен с тобой, и ничего не сказал, – буркнул Петрович. – Больше я его не видел.

Потом он вдруг оживился:

– Но земля-то, как говорят, недаром круглая. Лет пять тому назад за драку отсидел старший сын моего брата, того самого, с которым мы попали в ту заваруху. И он потом рассказывал, что на зоне повстречал – кого бы вы думали? – того самого Тимченко.

Он сам к нему подошел, когда услышал его фамилию, и спросил, не родственник ли он мне. А племяш здорово похож на меня. Ну, и сказал, кем мне доводится. Тимченко же к тому времени, оказывается, превратился в матерого уркагана, у него то ли пятая, то ли шестая ходка уже была, и он был на зоне за смотрящего. И племяш мой потом весь свой срок проблем не знал – так Тимченко поквитался за свой должок передо мной.

Ну, что, удовлетворил я ваше любопытство, болезные? Тогда я пошел курить. А ты куда, тетка, тебе же нельзя?!

Но ВПЖ только досадливо рукой махнул, и два Владимира Петровича, торжественно выпятив свои животы, важно пошагали из палаты в курилку.

А я вытащил свой блокнот и сделал торопливые наброски к рассказу, который дописал уже дома и который вы только что прочитали...

Тварь

Моя однодневная поездка тем февральским днем в это прииртышское казахстанское село, оно же центральная усадьба совхоза, за материалами для районки уже подходила к концу. Напоследок я зашел к участковому старшему лейтенанту Даурену, с которым был хорошо знаком.

Кабинет старлея находился в конце конторы центральной усадьбы.

На мое счастье, Даурен был на месте, и сердито пыхтя, писал какую-то бумагу.

– Не люблю эту писанину, а приходится, – пожаловался он мне, бросая ручку на стол. – Садись, кури.

Форточка в окне за его спиной была открыта, и мы оба закурили.

– Ну, чего тебе от меня в этот раз понадобилось, старче? – молвил Даурен, с удовольствием затягиваясь «Примой».

– Да как обычно, расскажи, сколько преступлений раскрыл, чего делаешь для их профилактики.

– Да какие там преступления, – досадливо тряхнул черноволосой головой старлей. – Ну, барана тут один тип у соседа украл, сварил его и слопал. А шкуру, дурак, на заборе повесил. Вот по ней и раскрыли кражу. Чего еще? На третьем отделении парни на танцах подрались, одному нос сломали, зачинщик пятнадцать суток получил...

Я торопливо записывал за ним, и тоскливо думал: боже, какая фигня! Что можно написать по этим мелким делам?

И тут с улицы через форточку до наших ушей донесся жуткий, просто нечеловеческий визг. Он то утихал, то нарастал, перекрывая чьи-то громкие матерные крики.

– А ну пошли! – тут же соскочил с места, прислушавшись, участковый. – Это, похоже, алкаш Саркамысов. Снова, тварь, жену свою бьет...

– Или убивает, – с тревогой добавил я, напяливая на голову шапку. – Вон как истошно визжит. Ты оружие-то возьми.

Но Даурен только рукой махнул и выскочил из кабинета, как был – в свитере и без шапки. И лишь галифе с красным милицейским кантом, заправленные в начищенные до зеркального блеска сапоги, служили подтверждением того, что он милиционер. Впрочем, в этом совхозе и так все знали, кто такой Даурен.

Я нахлобучил шапку, а куртка и так была на мне, и побежал за Дауреном.

Оскальзываясь на начавшем подтаивать утоптанном снегу, мы проскочили приконторский скверик, перебежали пустынную улицу и оказались у трехконного приземистого дома с голубыми ставнями, с распахнутой настезь щелястой калиткой.

Оттуда, из глубины двора, и доносились эти жуткие крики. Старлей, не останавливаясь, влетел во двор, я за ним. И нам открылась кошмарная картина. Мужик в потертом, лоснящемся полушубке, стоя на коленях, обеими руками буравил в собачьей будке каким-то непонятным инструментом с торчащей из-под локтя отполированной рукояткой, и хрипло орал:

– Ах ты, сволочь, хозяина кусать? Сдохни, падаль!..

А из будки доносился истошный непрекращающийся вой, переходящий в самое настоящее высокоголосое рыдание.

Не смея приблизиться к расправляющемуся с собакой мужику, в нескольких метрах от него все всплескивала руками средних лет тетенька, с накинутым на голову и плечи серым вязаным платком, с уже начавшим желтеть застарелым синяком под глазом, и плачуще причитала:

– Гришенька, голубчик, что ж ты делаешь?! Не трожь Пирата!

У меня потемнело в глазах и ноги сделались ватными. Такого зверства я в своей жизни еще не видел, и просто впал в ступор. Спасибо Даурену – он, не растерявшись, сходу подлетел к мужику, корячившемуся у будки, схватил его за плечи и с размаху откинул назад.

Мужик кулем свалился на спину. При этом орудия своего из рук не выпустил, и так и упал с ним, держа над собой. Это оказалась пешня для пробивания прорубей во льду, с вытянутым, как жало, и окровавленным острием.

– Ты что, гад, творишь, а? – сиплым от ярости голосом выкрикнул Даурен, выкручивая из рук поверженного Гришеньки окровавленную пешню. – Ну, застрелил бы его, если уж так приспичило. Что ж ты изгаляешься над псиной?

– Пошел на хер, мент! – хрипел мужик, не желая расставаться с пешней и покраснев от натуги. – Моя собака! Че хочу, то с ней и делаю! Она меня, гнида, укусила!

– А я тебе говорила – не лезь к Пирату пьяным, не лезь! – заголосила подоспевшая тетка – видимо, жена укушенного мужика. – Они ж пьяных не любят, хозяин ты или не хозяин. Вот она тебя и тянула!

– Уйди, сука! – орал Гришенька, из последних сил держась за выкручиваемую из его рук пешню и уже непонятно, к кому обращаясь. – Убью-ю!

Наконец, я пришел в себя и поспешил на помощь к Даурену. Вдвоем мы таки вырвали страшное оружие из неожиданно цепких рук озверевшего хозяина двора. От него за метр разило сивухой.

В это время из будки вылезла собака – это был молодой кобелек, обычная черно-белая дворняга. Поджав хвост и жалобно скуля, псина поползла в дальний угол двора, волоча задние лапы и оставляя за собой кровавый след.

– Ну, Даурен, морда твоя ментовская, попадешься ты мне где-нибудь один на один, да без твоей пукалки, – ворочаясь на утоптанном, грязном снегу, продолжал угрожать участковому потерявший всякий страх Гришенька.

И тут импульсивный Даурен, увидев, что сделал с собакой этот (здесь перейду на высокий штиль) потерявший человеческий облик алкаш, да еще и вынужденный выслушивать его угрозы, не выдержал.

Прорывав что-то нечленораздельное, он пнул Гришеньку в грудь, возвращая его в горизонтальное положение и, нагнувшись, сцапал валяющуюся у ног пешню, перехватил ее поудобнее и стремительно и мощно занес над головой.

– Даурен!!! – в ужасе закричали мы хором, я и тетенька, жена этого придурка Гришеньки. А Гришенька испуганно заслонил голову обеими руками.

Увы, разъяренного Даурена это не остановило. И окровавленная пешня, тускло сверкнув в лучах заходящего солнца, обрушилась на валяющегося в его ногах Гришеньку.

Я зажмурился, ожидая предсмертного вопля изверга, приговоренного решительным и суровым милиционером к такой ужасной экзекуции – эквивалентной, кстати, совершенному им злодейству.

Но Гришанка лишь тоненько взвизгнул и вывалил на участкового новую порцию грязных ругательств.

Я несмело открыл глаза. Этот редиска, этот Гришенька Саркамысов был жив, и снова пытался встать на ноги. Но пешня была точно и намертво вогнана Дауреном между его ног в опасной близости от причиндалов и, пробив полушубок, намертво пригвоздила его к земле.

– Ты мне ответишь за полушубок, мент! – брызжа слюной, орал он на Даурена.

– Да, да, мы на тебя заявление напишем! – вторила ему издали жена. Затем она все же боязливо приблизилась к мужу и стала обеими руками раскачивать пешню, пытаясь выдернуть ее из стылой земли и таким образом освободить своего раздолбая Гришеньку.

Даурен, не обращая более на них внимания, прошел к забившейся за поленницу собаке, стал внимательно осматривать ее кровоточащую рану. Пес тихонько поскуливал и не мешал старлею.

– Вот урод, позвоночник вроде зацепил, – с горечью констатировал Даурен.

– Что будем делать? – спросил я, тоже присев у Пирата на корточки и осторожно поглаживая его по голове. Пес благодарно лизнул мне руку горячим влажным языком.

– К ветеринару понесу, – решительно сказал Даурен, и начал расстегивать на Пирате ошейник. Отшвырнув его, негромко лязгнувший цепью, в сторону, он осторожно взял громко взвизгнувшего от невольно причиненной ему боли пса на руки, и мы пошли к выходу со двора.

Причитающая жена Саркамысова все еще пыталась раскатать мертво сидящую в землю пешню.

– Куда понесли мою собаку, вы, уроды? – сварливо сказал Гришенька.

– Моли Бога, чтобы она живой осталась! – недобро сверкнул в его сторону черными раскосыми глазами Даурен.

– А то что?

– самого пристрелю, как собаку! Тварь!

Мы вышли с этого проклятого двора, и Даурен размахисто пошагал вдоль улицы, мимо конторы, где оставался незапертым его кабинет.

– Слушай, там же у тебя не закрыто, – напомнил я, шагая рядом и время от времени поглаживая тихо поскуливающего Пирата.

– Да никто ничего там не тронет, – отрывисто сказал участковый. – Все уже разошлись по домам. Рабочий день-то окончился.

Я понимал, что сейчас не время и не место донимать его расспросами, и все же спросил:

– А что ты с этим придурком, как его, Саркамысовым, делать будешь?

– Да что с ним сделаешь, – тяжело вздохнул Даурен. – Посадить я его не посажу, вроде как не за что – не убил же никого. Обычное дело – домашний дебошир. Вызову завтра к себе, пропесочу, а потом где-нибудь одного поймаю, да морду набью без свидетелей. Ну, еще можно привлечь за оскорбление меня, как представителя власти. Если что, дашь письменное подтверждение?

– Еще как дам! – с жаром сказал я, и снова потянулся рукой к беспокойно завозившемуся на руках участкового псу.

– И это... Не пиши пока об этом ничего, ладно? – просительно сказал Даурен, когда мы минут через пять ходьбы подошли к какому-то большому дому из красного кирпича, с нарядными ставнями и резными наличниками, и он взялся за щеколду калитки. – А я тебе потом дам хорошее интервью, как я ловил цыган-конокрадов. Ладно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.